

НАРОДЫ СССР

Э. В. Померанцева. *Русская народная сказка*. Академия наук СССР. Научно-популярная серия. М., 1963, 128 стр.

Сказка — неисчерпаемая сокровищница духовной культуры народа, замечательное проявление единства древнего и нового, национального и интернационального, коллективного и индивидуального в устном творчестве. У любознательного читателя она возбуждает интерес не только со специальной точки зрения науки об устном народном творчестве, но и с точки зрения истории, этнографии, философии, психологии, эстетики. Самобытная русская сказка заслуженно пользуется мировой славой и давно требует всестороннего научного освещения в популярной форме. Поэтому появление в научно-популярной серии, издаваемой Академией наук СССР, книги о русской народной сказке отменно.

Э. В. Померанцева рассказывает об идейно-художественных особенностях народных сказок вообще и об истории, жанрах русского сказочного эпоса, о русских сказочниках. Приводя наглядные примеры исторических изменений сказочной традиции и роли сказочников, автор объясняет национальную специфику сказки и примат коллективного творческого начала над индивидуальным в процессе ее формирования и развития. В главах, посвященных жанрам русской сказки, систематизированы важнейшие сведения о бытовании и публикации сказок в России. Библиографические обзоры Э. В. Померанцева оживляет яркими примерами из редких, забытых, но заслуживающих внимания сборников: из «Бабушкины сказок» и «Савы» С. Друковцева (1778—1779), сборника Евграфа Хомякова (1791) и др. Вместе с тем, приводятся ценные наблюдения над особенностями, отличающими пореформенные русские сказки от сказок эпохи крепостного права, над процессами, которые происходят в сказочном эпосе в советскую эпоху, над взаимодействием в сказках устной и книжной традиций, над подвижностью граней между сказочными жанрами и относительной стабильностью некоторых жанровых форм, над сюжетным репертуаром, композиционной структурой и стилистической обрядностью русских сказок. Путем анализа отдельных примеров убедительно показана связь между вызванными жизнью изменениями в идейно-художественном содержании сказки и творческим обновлением традиционного сказочного стиля.

Небольшая по объему книга «Русская народная сказка» при очень значительной ее насыщенности конкретным материалом отличается цельностью и целеустремленностью изложения. В центре внимания автора — непрерывный, изменчивый процесс творческой жизни русской сказки XVIII—XX вв., и только в связи с этим живым процессом попутно затрагивается вопрос о реликтовых элементах глубочайшей древности в волшебных сказках и в сказках о животных. За массовым устным творчеством на протяжении всех глав ощутимо творчество сказочников, выражающих народные устремления, разрабатывающих народный художественный стиль. В заключительной главе «Русские сказочники» рассматриваются характерные типы сказочников и даны своеобразные творческие портреты талантливейшего дореволюционного самарского сказочника Абрама Новопольцева и современной воронежской сказочницы Анны Корольковой.

В книге Э. В. Померанцевой не все бесспорно и убедительно. Это относится, например, к недостаточно разработанным сказковедами вопросам специфики и истории устного сказочного творчества и классификации сказочных жанров.

Специфику сказки Э. В. Померанцева, как и многие другие наши фольклористы, усматривает в том, что сказка — «прежде всего поэтический вымысел» (стр. 8) и что сказочник и слушатели не верят в реальную возможность происходящих в сказке событий. Но ведь сознательной установкой на поэтический вымысел не чужды и многие легенды, и позднейшие мифы классового общества. В исторической легенде поэтический вымысел может быть выражен очень ярко и глубоко, но от этого легенда не перестает быть легендой. Вместе с тем, сказка не перестает быть сказкой, если она воспринимается как сущая правда. А бывало это в прошлом не так уж редко. Е. Р. Романов в предисловии к третьему выпуску своего «Белорусского сборника» отметил, что многие из записанных им в конце XIX в. в Могилевской и Витебской губерниях сказок воспринимались рассказчиками и слушателями как правдивые или отчасти правдивые истории.

Справедливо отмечая особый характер вымысла в сказке вообще и в отдельных сказочных жанрах, Э. В. Померанцева не раскрывает, в чем именно своеобразие сказочного вымысла, сказочной «необычайности», и не дает достаточного обоснования классификации сказок по четырем категориям: волшебные, сказки о животных, авантюрные и сатирические. Так, вызывает сомнение включение легендарных сказок в категорию волшебных, имеющих отличную от них систему образов, иную композиционную, стилистическую форму и иной характер фантастики. Еще более спорно разграничение авантюрных и сатирических сказок.

При определении жанра волшебной сказки Э. В. Померанцева, как и многие сказковеды, не принимает во внимание, что в фантастике волшебной сказки всегда выражена хотя бы очень зыбкая, мерцающая вера в чудесное.

В определении жанра сказки о животных также недостаточно учитывается его специфика. Не учитывается, что чудесное не является движущей пружиной действия в таких сказках и животные выступают в них с чертами, отражающими господствующие в данной народной среде образные представления. Это связано с тем, что сказки данного жанрового типа переносят животных не в сферу чудесного, как волшебные сказки, а в сферу житейских отношений.

Слишком мало внимания уделяется в книге Э. В. Померанцевой образам русских волшебных и других сказок, хотя в первой главе автор отмечает, что характером образов в значительной мере определяется национальная специфика сказки (стр. 20). Безусловно, сказочные герои не представляют индивидуальных характеров. И все же Э. В. Померанцева допускает преувеличение, утверждая, что между Емелей-дураком, богатырями Покати-горошком, Незнайкой и Иваном-царевичем нет разницы (стр. 63).

На том основании, что в Псковской летописи XIII в. повторяется (дважды) фраза «Кто стар, тот буди отец, а кто молод, тот брат», — Э. В. Померанцева делает мало-доказательный вывод: «Таким образом, к XIII в. была выработана и так называемая сказочная обрядность...» (стр. 26). Между тем, русская сказочная стилистическая обрядность обладает в значительной мере историческим колоритом эпохи позднего феодализма. Процесс формирования русской сказочной обрядности охватывает эпоху Московской Руси, в которую только и могли сложиться формулы: «В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель»; «Топор да плаха, да смертная рубаша»; «Это не служба — службочка, служба будет впереди» и т. п.

Книга Э. В. Померанцевой отличается богатством научного содержания. Однако автор несколько ограничивает возможности выявления национального своеобразия русской сказки, не используя в своей работе сравнительный украинский и белорусский сказочный материал, — а ведь русская сказка исторически неразрывно связана с украинской и белорусской. Для лучшего раскрытия специфики русского сказочного эпоса очень важно было бы также учесть взаимодействие русских сказок и сказок неславянских народов СССР. Д. К. Зеленин еще в 1914 г. в предисловии к своему сборнику «Великорусские сказки Пермской губернии» справедливо указал на необходимость рассматривать русские сказки в их взаимодействии с нерусскими и сделал интересные наблюдения, касающиеся «обмена сказками между местными башкирами и великорусами».

Рецензируемая книга в целом написана очень живо, ясно и вместе с тем лаконично. И тем более досадно, что первая глава перегружена однообразными цитатами (определениями сущности народной сказки, стр. 5—8).

«Русская народная сказка» Э. В. Померанцевой — одна из лучших научно-популярных книг о русском фольклоре. В ней ярко обобщены научные достижения советской фольклористики. Хочется надеяться, что в научно-популярной серии АН СССР вскоре появятся и другие хорошие книги о несметных богатствах народного творчества.

Л. Бараг

ДВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ СИБИРИ

Я. Р. Кошелев. *Русская фольклористика Сибири (XIX—начала XX в.)*. Изд-во Томского ун-та. Томск, 1962, 348 стр. Я. Р. Кошелев. *Вопросы русского фольклора Сибири*. Изд-во Томского ун-та. Томск, 1963, 215 стр.

Перед нами две книги Я. Р. Кошелева, тесно связанные между собой. В первой книге Я. Р. Кошелев привлек обширный архивный материал, а также заново исследовал разные вопросы фольклористики Сибири XIX — начала XX в. Многие специальные главы этой книги посвящены трудам виднейших фольклористов Сибири — С. И. Гуляева, А. А. Макаренко, В. С. Арефьева и др. Наибольший интерес представляет глава о Г. Н. Потанине. До Кошелева никто так подробно и объективно не исследовал сложный и во многом противоречивый путь этого крупнейшего знатока Сибири. Отмечая ряд неверных концепций Потанина в изучении сибирского (азиатского) фольклора, он в то же время возмущает тем исследователям, которые сосредоточивают свое внимание только на ошибочных сторонах деятельности Потанина и других областников и закрывают глаза на их немалые заслуги в развитии сибиреведения. Эти выводы подтверждаются конкретными и убедительными материалами.

Особенно подробно в книге исследуются взгляды известного сибирского историка и демократа Щапова. «Различия во взглядах Щапова и областников были принципиального характера: он не разделял сепаратистских убеждений, отличал его от областников и демократизм, который хотя и не был революционным, но характеризовался несомненно большей глубиной и последовательностью» (стр. 124).

В главе «Политические ссыльные — исследователи фольклора Сибири» автор существенным образом дополняет известные в науке данные об этом важном этапе истории сибирской фольклористики. Значительное место уделяется работам каракозовца И. А. Ху-